

УДК 130.2

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СУБКУЛЬТУР В ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКА¹**THE ANALYSIS OF REGIONAL LINGUISTIC SUBCULTURES IN VALUE-SEMANTIC SPACE OF LANGUAGE****И.Г. Колесникова, И.Е. Белогорцева, В.С. Игнатова
I.G. Kolesnikova, I.E. Belogortseva, V.S. Ignatova***Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королёва, 7
Belgorod State University of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308033, Russia**E-mail: kashnikova_i@mail.ru*

Ключевые слова: субкультура, язык, культура, ценности, оценка, картина мира, образ мира.
Key words: subculture, language, culture, values, assessment picture of the world, the image of the world.

Аннотация. В статье рассматривается понятие языковой субкультуры относительно региональной специфики. Авторами анализируется региональная языковая субкультура в ценностно-смысловом пространстве языка.

Resume. The article deals with the concept of linguistic subculture on regional specificity. The authors analyze regional language subculture in value-semantic linguistic space.

В свете анализа региональных языковых субкультур в аспекте лингвокультурологии необходимо рассмотрение таких базовых понятий как «языковое сознание» и «картина мира». В современном языкознании имеется весьма широкий спектр толкований понятия «языковое сознание». Для О.С. Ахмановой это «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка» [Ахманова 2007, 439]. По А.А. Леонтьеву, понятие «языковое сознание» близко к тому содержанию, которое вкладывается в «образ мира». Нередко языковое сознание определяется как «психические механизмы порождения речи, обеспечивающие речевую деятельность человека – механизмы порождения, восприятия и хранения языка в сознании» [Попова 2002, 3]. Это, как нетрудно заметить, «широкое» понимание искомого понятия. Нам же предпочтительнее «узкое» его определение, при котором оно получает подкорковый статус, сопрягаясь с понятием «языковая компетенция». В таком ракурсе, понятие «языковое сознание» может быть применимо к данному исследованию, поскольку может рассматриваться как отражение специфической языковой структуры в подсознании личности, отражающего в своей речи смысловую языковую и образную особенность. Вместе с тем, для лингвокультурологии субкультур в отдельных случаях необходимо обращаться и к отдельным аспектам широкого понимания языкового сознания.

Фактически языковое сознание – это совокупность всех знаний человека о своем языке и знаний, закодированных в его семантике, существование и осмысление которых невозможно без погружения в контекст региональной культуры, позволяющей выделять в рамках инвариантного общерусского языкового сознания одну из его категорий – региональную языковую субкультуру.

Диалог культур (украинской и общерусской) способствует созданию в лексических фондах частных языковых картин мира, аккумулирующих лексику, необходимую для описания региональной культуры. Наряду с традиционным усвоением единиц национальной культуры наблюдается «перекрестное» освоение литературными языками единиц другой культуры.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-31010.

Основой для создания вторичных наименований в отдельных случаях является наличие у слова внутренней формы, обладающей яркой образностью и экспрессивностью. «Именно здесь при сравнении одного языка с другим выявляются несоответствия, обнаруживаются лакуны, отчасти связанные с культурно-историческими и этнографическими лакунами, отчасти объясняемые спецификой внутренних форм», – замечает Ю.Н. Караулов [Караулов 1976, 244].

Однако любая языковая культура (т.е. в пределах одной языковой системы) складывается из нескольких субкультур (в значении «нахождение внутри чего-либо», а не в значении «суррогат», «заместитель», «второстепенный»). Субкультура, следовательно, – это более узкое языковое пространство, чем пространство языковой культуры. При взаимодействии языков нормы определенной субкультуры складываются из соответствующих социально-языковых ситуаций.

Региональные языковые субкультуры формируются и развиваются под влиянием преимущественно экстралингвистических факторов и связаны с типами существования (бытования) языка, с одной стороны, и сферами функционирования языка (сферами общения), с другой. Субкультуры нельзя сводить к приведенным двум сферам (бытования языка и функционирования языка), поскольку они связаны с поведенческой стороной речевой деятельности человека и социума, и нормы субкультуры базируются не на собственно языковых (системно-языковых) отношениях и связях, а конвенциональных и культурно-исторических факторах. Из этого следует, что в субкультурах узус определяет речевое поведение участников коммуникации, хотя при определенных условиях или в результате соответствующей кодификации (ср. понятие языкового строительства) узус в некоторых своих проявлениях может стать элементом языковой нормы.

Модель презентации функциональных единиц региональной языковой субкультуры имеет эксплицитную и имплицитную части. Такие ментальные конструкты, как когнитивные прототипы, концепты, фрейм структуры, находятся в подводной части и эксплицируются комплексом функциональных единиц лингвистического и культурного пространств. Это взаимопроникающая и подвижно-комбинаторная система, где различные функциональные единицы вступают во взаимодействие друг с другом, конструируя характерные для определенного временного континуума комбинации. «Продукты» взаимодействия функциональных единиц дискурсивного пространства образуют сферу сознательной деятельности личности.

Базисные функции языковой субкультуры – интерпретативная (осуществление видения мира) и регулятивная. Наличие единой языковой субкультуры может внутренне интегрировать и одновременно внешне отграничивать представителей одного этнического, культурного, профессионального сообществ. Языковая субкультура опосредует акты мировосприятия и миропонимания, а также осуществляет построение субъектных образов мира, используя особый арсенал функциональных единиц. Так, разновидностью языковой субкультуры стало возникновение специфичного «олбанского языка» (так его именуют сами носители).

При исследовании региональной языковой субкультуры в её структуре можно выделить три уровня:

- вербально-семантический,
- когнитивный,
- прагматический.

Когнитивный слой, представляющий собой информационное пространство, иерархически структурирован и неоднороден, поскольку когнитивная деятельность может осуществляться как отдельными индивидами, так и различными коллективами, организованными по профессиональным, этническим, социальным принципам, и в результате их когнитивной деятельности складываются особые системы знаний. Например, с широким распространением сети Интернет и доступностью ее различным социальным и возрастным категориям формируется субкультура «падонкаф» или «каменткаф». Ее представителей объединяет специфичное использование русского языка в общении и комментировании записей на форумах, в социальных сетях, виртуальных дискуссиях.

В.В. Красных предлагает различать три набора знаний и представлений, понимая под знаниями «информационные», «содержательные» единицы, а под представлениями собственное представления, образы и понятия, а также связанные с ними оценки и коннотации [Красных 2003, 44]. Первый набор образует индивидуальное когнитивное

пространство, представляющее собой определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которым обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий. Второй вид совокупности знаний и представлений принадлежит всем личностям, входящим в тот или иной социум (коллективное когнитивное пространство). Наконец, третий вид – это определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке [Красных 2003, 45].

Таким образом, в контексте нашего исследования функциональные единицы региональной языковой субкультуры вполне можно квалифицировать как особым образом закодированные структуры репрезентации знаний в языке, имеющие определенное содержание и используемые для кумуляции и трансмиссии информации.

В аспекте лингвокультурологического подхода к исследованию ценностно-смыслового пространства языка мы опираемся на идею о том, что исследование ценностей субкультуры возможно только в рамках данной этноязыковой культуры, причем этнокультурное сознание в целом является способом существования концептосферы языка - на разных уровнях сознания этнокультуры «продуцируются те смыслы и идеи, на основе которых формируются культурные концепты» [Алефиренко 2010, 77]. Исследование языковой субкультуры через изучение соответствующих лексико-семантических полей позволяет выявить структуру эмотивно-оценочной части концептосферы личности.

Для исследования феномена языковой субкультуры необходимо уяснение понятия «картина мира». Картина мира – это «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной деятельности человека» [Серебрянников 1988, 19]. Её органической составляющей является языковая картина мира (ЯКМ) – «совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме» [Маслова 2001, 64], та призма, через которую человек видит мир. Она «включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты» [Маслова 2001, 67]. В свою очередь позиция отражающего субъекта формирует языковую личность носителя субкультуры. Её сущность раскрывается через анализ тех языковых средств, с помощью которых эта картина мира создаётся. С этой целью под объективом лингвистического микроскопа оказываются многочисленные дискурсивно-познавательные средства языка. Например, если говорить о молодежных субкультурах, то данный возраст характеризуется многофакторной социализацией (развитие через обучение и через межличностное общение).

Важнейшими направлениями лингвокультурологических исследований является язык как «система семиотической репрезентации культурных ценностей» и принципы «отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры» [Алефиренко 2010, 20], следовательно, лингвокультурология дает возможность изучения ценностей культуры посредством исследования языковой семантики, т.е. лингвокультурологический подход к изучению языка субкультур дает возможность изучения ценностей той или иной субкультуры в контексте определенной этнокультуры. Например, региональной культуры.

Ценности обычно понимаются как сформированные представления, значения некоего объекта для субъекта [Чернявская 2004, 45]. Для корректного применения понятия ценности в лингвокультурологии особую актуальность приобретают мысли С.Н. Виноградова [Виноградов 2007, 93-95]. Ученый определяет ценность как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов 2007, 93]. Выраженность ценности, возможность ее физического проявления обнаруживает ее объективную сущность. Разновидностью выраженности является речевое воплощение представлений людей о ценностях, словесные модели ценности, создаваемые носителем языка. Простейшим примером выраженности ценностей являются такие их названия, как добро, правда, справедливость, свобода, красота и т.д.

Ценности иерархически организованы (в каждой лингвокультуре существует своя шкала ценностей); они носят исторический характер (ценности могут меняться), играют

исключительно важную роль в синергетике (самоорганизации) культуры. Вместе с тем они достаточно стабильны. Только формирование, осознание и принятие новой системы ценностей позволит окончательно преодолеть кризисные явления в культуре. Ценность всегда связана с оценкой, понимаемой широко – как определение полезности, целесообразности, уместности чего-либо и т.д., т.е. как размещение явления или факта на шкале «хорошо – плохо», как положительное или отрицательное отношение к чему-либо.

Оценка – форма существования ценностей. Оценка может быть (а) эмоционально-чувственной, если выражается единичной эмоцией или комплексом эмоций (в виде восхищения или негодования, стремления или отвержения, любви или ненависти); (б) рационально-вербальной, если дается оценка значимости объекта (в рецензиях, высказываниях, критических статьях, экспертных заключениях и т.д.); 3) прагматически-поведенческой – в форме реального действия или поведения, в том числе и сценического.

Для субкультуры самыми важными являются оценки, выраженные словесно. Наиболее зримо ценность и оценка связаны с такими языковыми явлениями, как семантика, языковые и речевые средства выражения значения, парадигматические отношения, обусловливаемые закономерностями варьирования и выбора номинативных единиц (семантико-стилистическая синонимия, вариантность лексических и фразеологических единиц и т.п.). Например, наиболее часто в языке субкультуры встречаются слова с явной оценочной характеристикой (*беспонтовый, мировой, борода* и т.д.).

Ценность и оценка как разновидности идеального существуют объективно, независимы от нашего сознания. Они связаны с выбором языковых средств, способов речемыслительной деятельности. Выбор – культурологически важная сфера деятельности людей или, по крайней мере, необходимая составная часть лингвокультуры. Таким образом, ценность, как и культура в целом, связана с деятельностью, выполняет в ее механизме конструктивную роль. Действительно, человек всегда к чему-либо стремится, чего-то избегает. При этом он оценивает и окружающих людей, и жизненные обстоятельства, и собственное поведение и на основе этой оценки действует. Поддерживая тезис о том, что ценности существуют объективно, независимо от нас, приходится заострять внимание на том, что они – не сами предметы и явления окружающего мира, а метонимически (по смежности) перенесенные на них их окказиональные, свойства и признаки. Если предмет получает свое знакообозначение, он отрывается от индивидуального или коллективного субъекта, номинировавшего его, и становится культурно значимым. Поэтому любые культурные концепты независимо от того, передают ли они ценность в её обыденном или научном понимании, являются ценностями. Почти все слова в процессе дискурсивно-метафорического мышления становятся словами-ценностями [Хэар 1985, 183]. Подтверждает это наличие в языковой субкультуре коммуникативных оценочных суждений (*зависающе, улёт* и др.)

Непременным условием актуализации культурных ценностей является «вертикальный контекст», который, в отличие от горизонтального, собственно языкового, рассматривается как своего рода пресуппозиция, совокупность сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера, которая предполагается у носителя языка. Однако такое истолкование вертикального контекста лишено даже элементарного понимания его сущности. Понимание вертикального контекста в науке о языке опирается на изучение сверхфразового единства (см. работы Л.М. Скрединой о концептуальной схеме предложения и концепцию Густава Гийома). Вертикальный контекст органично вписывается в теорию сценической (диалогической по своей сути) речи. В его структуру входит 1) начальное предложение (высказывание говорящего субъекта) и 2) развертывающий фрагмент, содержащий несобственно-прямую речь как способ передачи чужого высказывания. Конфигурация векторов, изображающих контекст в процессе его развертывания, позволяет назвать данный вид сверхфразового единства вертикальным контекстом, а способность несобственно-прямой речи передавать произнесенную, словесно оформленную речь дает возможность именовать контекст вертикальным контекстом речи. На концептуальном уровне начальное предложение вертикального контекста речи содержит предмет речи; развертывающий фрагмент формирует то, что говорится о предмете. На поверхностном (речевом) уровне объект речи начального предложения выражается именем существительным (одушевленным или неодушевленным) в синтаксической функции дополнения. Предложения несобственно-прямой речи раскрывают содержание объекта речи. Имя существительное, выражающее объект речи, либо прямо повторяется в высказывании говорящего субъекта, либо заменяется другим существительным или местоимением в синтаксической функции

подлежащего, реже – дополнения. Анализ способов отражения в тексте проявлений активной деятельности сознания двух субъектов (передающего и говорящего) выявляет когнитивную природу рассматриваемого явления.

Вертикальный контекст служит приводным ремнём системно-функционального механизма интериоризации знаний, представлений, мнений об объективной действительности, выработанных человечеством в рамках той или иной этнокультуры, в процессе их ценностной интерпретации и моделирования таких базовых категорий культуры, как картина мира, концептуальная система мира, модель и образ мира. Каждая из этих категорий представляет собой относительно завершённый и целостный фрагмент глобального образа мира, который, в свою очередь, является буферным звеном между предметно-практическими (материальными) и духовными (идеальными) аспектами нашей жизнедеятельности, выступая универсальным средством образования того или иного этнокультурного сообщества. Они представляют собой структуры особой философии познания мира – герменевтики, которая, в отличие от гносеологии, не открывает, а истолковывает познаваемую действительность. Возможность такого структурирования познаваемого мира исходит из сущности основополагающей категории когнитивно-дискурсивной теории культуры, которой, в нашем представлении, и является глобальный образ мира. В основе когнитивно-дискурсивного структурирования глобального образа мира лежит уже известная тройственная связь между «предметом», «концептом» и «словом», с тем лишь отличием, что исходной точкой здесь оказывается не «концепт», а «слово», связующее предмет и его отражение в нашем сознании [Колесов 2002, 8]. При таком подходе региональная языковая культура может рассматриваться как антикультура, контркультура, субкультура, маргинальная, периферийная культура, не отражающая истинные ценности, а с точки зрения молодежи именно молодежная субкультура является наиболее привлекательной, т.к. отражает их ценностные приоритеты, то есть глобальный образ мира.

Глобальный образ мира – основа субъективного миропонимания, результат системной духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности. Такого рода субъективный образ объективной действительности, оставаясь образом реального мира, непременно подвергается семиотизации, объективируется разными подсистемами языковых знаков, которые, не будучи зеркальным отражением реальности, творчески её интерпретируют и после такой герменевтической обработки вводят в уже сложившуюся систему мировосприятия [Серебренников 1988, 21].

Региональная языковая субкультура, будучи вторичным, производным образованием, сложна, вариативна, динамична, но, тем не менее, у неё есть некий инвариантный остов – субкультурные константы, входящие в состав сознания каждого члена данного этноязыкового или регионального сообщества. Благодаря субкультурным константам обеспечивается не только взаимопонимание разных индивидуальных сознаний в рамках одной региональной языковой субкультуры, но и так называемая межкультурная коммуникация. Последняя осуществляется благодаря таким общим для субкультуры и культуры свойствам, как (1) отражающие мировоззрение этноса культурные и языковые формы сознания, (2) находящиеся в состоянии постоянного диалога. (3) Субкультура и культура имеют индивидуальные и общественные формы существования. «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации и разделяется на область объектов, нечто означающих, символизирующих, указывающих, т.е. имеющих смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя» [Лотман 2000, 178]. Такие семиотические единицы и порождают возникновение и функционирование региональной языковой субкультуры.

В ценностно-смысловом пространстве культуры категория смысла занимает особое место. Её сущность определяется общей соотнесённостью и связью всех относящихся к понимаемой ситуации явлений. Только в таком случае можно говорить о том, что какой-либо текст культуры несёт определённый смысл. Осмысление такого рода общей соотнесённости и связи организует понимание таким образом, что человек получает возможность фиксировать функциональные характеристики элементов ситуации относительно друг друга и относительно ситуации в целом, и может устойчиво воспроизводить эти характеристики во вторичных текстах. Только в этом случае можно утверждать, что «смысл текста понят». Для автора текста это означает главное: замысел, его смысловое содержание удачно трансформировано в набор функционально значимых элементов текста или предметов, относящихся к репрезентируемой ситуации.

Что касается исследования языковых субкультурных феноменов, то категория смысла также занимает ведущее место (наряду с ценностями, установками, моделями поведения). При этом культурные коды языковой субкультуры позволяют реконструировать не только языковые

особенности, но и репрезентируемую картину мира, включающую языковые субкультурные ценности.

Таким образом, языковая субкультура это модель ценностного пространства субкультуры во всех своих коннотативных, денотативных и ценностных предпочтениях. При этом региональная языковая субкультура представляет собой синтез ценностно-смысловых особенностей региона, его этнокультурных стереотипов и семантических и синтаксических моделей культуры.

Ведущим механизмом в этом синергетическом континууме оказывается языковая модель субкультурного мира, поскольку именно в ней отображается многоплановая действительность: а) социальный или культурно сложившийся в данном этноязыковом и региональном сообществе образ мира; б) свод ненормативных грамматических субъектно-объектных отношений между элементами регионального пространства; в) лингвосомиотический механизм концептуализации мироздания. В силу этого каждая языковая субкультура отражает именно ту, а не иную картину мира, способ ее восприятия и кодировки – семантическое «подпространство» соответствующего языка.

Таким образом, региональная языковая субкультура – это деятельностно-дискурсивное пространство, главным образом местного характера, организованное ценностно-смысловыми и коммуникативными структурами, в котором любая личность получает способность в специфических художественных формах осознавать окружающий мир, формировать на основе сложившихся пресуппозиций знания, соотносимые с характерными для данного региона образами, символами и социо-культурными стереотипами речевого поведения.

Список литературы References

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. – М., 2010. – 288 с.
Alefirenko N.F. Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka. – M., 2010. – 288 s.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 4 изд., стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
Akhmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 4 izd., stereotipnoe. – M.: KomKniga, 2007. – 576 s.
3. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. – С. 93-95.
Vinogradov S.N. K lingvisticheskomu ponimaniyu tsennosti // Russkaya slovesnost' v kontekste mirovoy kul'tury. – N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo un-ta, 2007. – S. 93-95.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 334 с.
Karaulov Yu.N. Obshchaya i russkaya ideografiya. – M.: Nauka, 1976. – 334 s.
5. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
Kolesov V.V. Filosofiya russkogo slova. – SPb.: Yuna, 2002. – 448 s.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 216 с.
Krasnykh V.V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? – M.: Gnozis, 2003. – 216 s.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – 704 с.
Lotman Yu.M. Semiosfera. – SPb.: Iskusstvo, 2000. – 704 s.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
Maslova V.A. Lingvokul'turologiya. – M.: Akademiya, 2001. – 208 s.
9. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002. – 59 с.
Popova Z.D. Yazyk i natsional'naya kartina mira. – Voronezh, 2002. – 59 s.
10. Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 416 с.
Serebrennikov B.A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. – M.: Nauka, 1988. – 416 s.
11. Хэар Р.М. Описание и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.16. – М., 1985. – С. 183-195.
Khear R.M. Deskriptsiya i otsenka // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. – Vyp.16. – M., 1985. – S. 183-195.
12. Чернявская Ю.В. Апология культурологии // Человек. – 2004. – № 6. – С. 44-52.
Chernyavskaya Yu.V. Apologiya kul'turologii // Chelovek. – 2004. – № 6. – S. 44-52.